

Артём Антохи

Пляску
на сменах

Артем Антохи
Пляски на стенах

«Э.РА»

2013

Антохи А.

Пляски на стенах / А. Антохи — «Э.РА», 2013

Эта книга – выставка в художественной галерее, в ней представлены четыре картины, писанные буквами, стенами окружившие собственный, ни на что не похожий мир. Здесь идея – грунтовка холста, предложение – уверенный мазок кисти, популярна растушевка причастными оборотами, краски смешивает сноп запятых. Герои картин воображают себя давидами и мадоннами, но на деле они – жалкие тени венца творения, скользящие по стене и исчезающие за дверными косяками. Им предоставлен шанс вынуть голову из пропахшей урны, обрести чистоту разума, раскрыть шире глаза, подарив истинной красоте шанс, и заслужить наконец почетное имя Человека.

© Антохи А., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Бес Цветный	5
I. Танго теней	5
II. Маренго	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Артём Антохи

«Пляски на стенах»

Бес Цветный

I. Танго теней

1

Светлый город удивительно живописен. Пожалуй, это лучшее место на земле. Здешний вечер едва темнее дня, местный буржуа чуть счастливей простолюдина.

Светлый город – буйных оттенков коктейль, один ингредиент которого спешит опередить второй в создании великолепия. Всё, что способно излучать красоту, будто заключило пари. Пурпурные неоновые вывески поджигают витрины магазинов. Зеркальные стены небоскрёбов бросают в лицо синие волны неба. Осень учтиво вытирает подошвы рыжими листьями. В это время года никогда не цветёт сирень, но, готов поклясться, именно её охмеляющий аромат разрезает вечерний воздух.

Жюльетт неспешно ступает домой. Уже четверть часа как она покинула клуб. Дискотека продолжится до рассвета, но Жюльетт обещала вернуться к девяти вечера.

Тёплый ветер играет с платьем девушки. Сегодня множество мужчин в пёстрых рубашках и галстуках желали разделить участь ветра. Жюльетт купалась в море внимания, не снимая закрытый купальник. Ни один из тех парней не удостоился и кусочка её памяти, но кое-кому это всё же удалось – таинственному красавцу в фетровой шляпе, который так и не взглянул в её сторону. Жюльетт всего шестнадцать. Чудесный возраст для того, чтобы не замечать ничего вокруг.

Приветливо скрипят старые качели, подмигивает вывеска спящей цирюльни, что помнит совсем юную Жюльетт, – девочка среди родных просторов. Здесь ничего не меняется: люди рано ложатся спать, ветерок сладко напевает колыбельные. Жюльетт опаздывает уже на десять минут, но беспокойство обходит её стороной, как и всё остальное, – в цель попал только Он. Прижав к груди сумку, не торопясь, как под гипнозом, девочка пересекает освещённую улицу. Звонко цокают каблучки белых туфель, их тайком передразнивает асфальт. Взгляд девочки похищен ярким светом фонарей: под жёлтым куполом в любовном танце сплетаются карамельные бабочки.

Что-то вытаскивает Жюльетт из приятных раздумий. Мрачный шёпот ночи заставляет остановиться. Затем всё замолкает, убаюканное чернеющим небом. Жюльетт никогда не слышала такой тишины. Ночное беззвучие кричит на ухо! Обернувшись, девочка видит собственный страх, чёрной пеленой крадущийся по домам.

Мгла выходит из берегов. Безразмерная тень поедает жилой бетон и осеннюю яркость. Тьма длительно голодала, ей нужны тёплые девичьи объятия.

Истерика бросает Жюльетт в бегство. Чёрная когтистая туча не отстаёт, настигает фонари, заставляя их гаснуть. Неон парикмахерской меркнет, съеденный стремительным мраком. Женский писк разливается по округе. Жюльетт спешит, не успевая за кислородом, в спину бьётся взгляд неизвестности. Каблуки терпят муки, встречаясь с рытвиной, которая уже через мгновение окажется в желудке голодной твари. Калек-туфли брошены на дороге; встретив-

шись с мглой, они чёрной жижей растекаются по асфальту. Белый голубь, флюгером венчавший фонарь, улетает чумазым вороном. Светило плюётся прощальными искрами.

Жюльетт у парадной двери. Ключ к спасению глядит из сжатого кулачка. Сумка бесполезной ношей бросается в сторону, в ещё сочный и пахнувший кустарник. Замочная скважина встречает враждебно, но характер её слабее девичьей паники. Жюльетт врывается в мирно уснувший подъезд. Босые ступни шлёпают по холодному камню, снизу доносится угрожающий стук.

Вскоре Жюльетт знакомится с отчаянием. Дверь, обитая ярко-красной кожей, отказывает в гостеприимстве. Ключ ломается в последней преграде. Жюльетт барабанит кулаками, выкрикивает родные имена, но те призраками рассеиваются в воздухе. Крик девочки становится совсем безнадежным, слёзы умывают румяные щёки. Замерев, она ретируется на шаг, уже точно не надеясь на спокойную ночь.

Дверная кожа тускнеет, красный хамски вытесняется серым. Совсем поблекнув, дверь отворяется. Из чернильной каверны на неё смотрит Он.

Бесцветные фетровая шляпа, пальто и рубашка. Такие же жилет, брюки и туфли. Бесцветный галстук-бабочка в бесцветный горошек. Даже кожа лишена пигмента.

Жюльетт замирает с разинутым ртом, глаза её делаются шире, слёзы, страшась, едва ли не ползут обратно.

– Потанцуем? – предлагает мужчина.

Он протягивает руку и увлекает Жюльетт за собой.

Пустая квартира затоплена тьмой. Танцующая парочка проносится мимо чахнувших ламп. Мужчина улыбается, Жюльетт кажется уснувшей. Она высыхает подобно тому, что зарождало свет за окном. Бесцветный мужчина и тускнеющая Жюльетт кружат в танце любви на кладбище красок.

Очередной наклон сбивает со столешницы лампу; прибившись к полу, она бросает кверху жёлтый блик. Мёртвый свет поджигает девушку – в ней совсем не осталось цвета, глаза и губы окаменели.

Мужчина ослабляет руки, бездыханное тело Жюльетт скатывается к угасающей жёлтой звезде.

2

Вчерашняя тьма проснулась гармонией. Супружеская пара наслаждается чаепитием в облитой солнечным маслом кухне. Супруги обмениваются не по-утреннему добрыми улыбками, подливают друг другу заварки. Потёртые жалюзи чертят горизонтальные полосы на украшенных семейными фотографиями стенах и на лицах прибывших поутру ищеек. Детектив Комсен и его коллега настроены не так позитивно, как хозяйка квартиры.

– Вы только посмотрите на этот чай, – бубнит под нос инспектор Берокси. – Он стоит уйму денег. Эти голубчики явно что-то скрывают. Следует этим заняться...

– Заняться надо другим, Берокси, – звучит грубый голос детектива.

Взгляд Комсена скатывается к распростёртой на полу девочке. Над безжизненным телом склонился эксперт.

– Её больше нет, – подытоживает седовласый мужчина с бородкой.

– Да ну? – иронично хмыкает Берокси. – Вы нам очень помогли.

– Наверное, вы не так поняли... – обиженно твердит эксперт. – Я не желаю иметь дело с воздухом. Воздух не проткнуть скальпелем. Это не мёртвая девушка. И даже не мёртвое тело. Перестаньте тревожить меня в подобных случаях, прошу вас.

Эксперт упаковывает в чемоданчик известные только ему приборы и исчезает в дверном проёме.

– Что тут сказать... – бормочет Комсен, поглядывая на «пустоту» так, будто дело его жизни утекает под половицы.

Берокси, как всегда, пылает гадкой уверенностью. Точно рычажок печатной машинки, что бьёт, не кренясь.

– Нечего тут говорить. Парень набирает популярность у молодых.

– Эта слава не вечна, – угрюмо добавляет детектив.

Комсен недалёк от преклонного возраста. Лицо имеет квадратную форму, густые седеющие бакенбарды обнимают прошитые морщинами щёки. Бытуют слухи, что он слеп. Посему мало тех, кто осмеливается заглянуть в ясные голубые глаза старого детектива. Одежда Комсена – стетсон на макушке, плащ с поясом, рубашка и галстук – неопределённого зелёного оттенка. Комсен не имеет права на ошибку. Люди возложили на него проклятие, прозванное последней надеждой.

Никто не осмелится сказать наверняка, сколько лет Берокси. Лицо его, приклеенное к сваленному на бок эллипсу, выглядит свежо, но в голосе то и дело проскальзывает старческий скрежет. Глаз Берокси никто не видел: они скрыты мутными линзами круглых очков, лишённых дужек. Лишён души и Берокси. Одет он в чёрный котелок, пальто, увеличивающее его в размерах.

– Мне нужно знать всё: что она делала перед смертью, чем увлекалась, были ли у неё ухажёры... – басит Комсен.

– Всё как обычно. – Берокси хватает со стола яблоко и звонко чавкает. – Беда в том, Комсен, что девушка вычеркнута из истории. Как будто её и не было вовсе.

– Что с её родителями? Они всё ещё молчат?

– Они нас даже не замечают... – молвит Берокси и кусает плод.

Супруги и впрямь обделяют блюстителей вниманием. Любезничают друг с другом, наслаждаясь оранжевым напитком.

– Возможно, они думают, что их дочь ещё жива, – продолжает Берокси. – Возможно, считают, что её никогда не было. Она осталась на семейных снимках бесцветным пятном.

Взгляды шпииков шагают по стенам. В прихожей орёт телефон. Кормилец отвлекается от чая, слепая улыбка пролетает мимо полицейских. Комсена злит сутулая спина проходимца. Мужчина обещает динамику телефона званый ужин, жареную курицу и шарлотку. Комсен напрягает брови. Он знает, что его решение не понравится коллеге.

– Нам больше ничего не остаётся...

Интригующая ухмылка Комсена бесит Берокси. Обычно она означает, что дело полетит против ветра.

– Только не говори то, о чём я думаю! – Берокси в недовольстве роняет огрызок яблока. – Что угодно, только не это!

– Беру ответственность на себя, Берокси, – твердит Комсен пальцу коллеги, грозно направленному в лицо.

– Мне не нужна твоя ответственность! Нет и ещё раз нет! Мы придумаем что-нибудь другое!

– Не придумаем. – Горячее дыхание Комсена обдало худое лицо коллеги. – У нас нет выхода.

– Всегда есть выход!.. Однажды мы позволили себе! Разве ты не помнишь?!

Тем временем хозяин дома возвращается к столу. Тупая безликая ухмылка при нём. Комсена тошнит от ржавчины, поселившейся здесь.

– Если бы не помнил, питался бы сомнениями. Я точно знаю – справится только Берти.

До самого выхода из подъезда Берокси всаживает в спину детектива колкие гримасы.

Стены полицейского участка обвешаны гирляндой из фотороботов. В центре грязного ансамбля гнездится самая важная листовка. Слово «разыскивается» на ней выделено особенно жирно, а под ним замерла чья-то тень.

Комсен и Берокси проплывают мимо коллег, тонущих в исписанном папирусе. Телефонные провода паутиной прилипли к полу и потолку, в петлях и галстуках увязли сонные мухи.

Тёмный кабинет Комсена прячет нашу парочку. Тучные силуэты растекаются по стенам, когда детектив зажигает керосиновую лампу.

– Мы могли бы воспользоваться мощным фонарём, – ворчит Берокси.

– Берти не любит яркий свет. С тех пор, как мы её допрашивали, – будто обвиняя, поясняет Комсен.

– Говорят, свет в конце тоннеля особенно яркий, и она бы увидела его, если бы не мы, – горяча твердит инспектор, но Комсен не слышит.

Детектив нащупывает потайную дверь. Лампа испепеляет тьму, оранжевый блик коверкает симметрии, длинная лестница останавливается у тюремной камеры. Она здесь совсем одинока.

Стены темницы измазаны красками: жёлтой, голубой и розовой. Краски принимают тепло керосина, сердце камеры заслонено мраком. Комсен подходит ближе, подогрев светом толстые титановые прутья. Берокси с подожжёнными линзами держится позади, в зубах нервно дымит трубка, похожая на миниатюрный саксофон.

В темноте вырисовывается силуэт. Красивые женские руки пачкают краской прутья. Лицо ночует во тьме, свет лампы позволяет разглядеть лишь чувственные губы и плечи, ласкаемые кончиками светлых волос.

– Я нужна тебе? – звучит чарующий голос.

– Как никогда, Берти, – скрипит Комсен.

Оковы сняты. Дама покидает пропахшую лаком клетку.

– Введёте меня в курс дела?

– Тебе понравится, – молвит Комсен, закрывая камеру.

Берти тепло улыбается детективу. К даме подпрыгивает Берокси.

– Посмеешь ускользнуть, деточка, и тебе несдобровать! – ворчит скряга.

Берти сдержанно ухмыляется. Некое беспокойство покалывает её. Она боится того, что может навеять ей открытое небо.

3

Жизнь Существа бездушно циклична. Будние – работа на толстяка, выходные – домашнее заточение. Подготовка, уборка, телевидение – всадники апокалипсиса, посланные губить его свободный час. И откуда берётся время для убийства?

Существо начинает день в семь утра. Завтракает яичницей всмятку, запивает крепким кофе, заливая телевизионными некрологами. Убегает в офис и возвращается не позже половины седьмого. Вернувшись, оно впопыхах избавляется от шляпы и пальто, спешит к вчерашнему ужину. Главное – не измазать соусом галстук: вдруг страдающая бессонницей нимфетка согласится отведать тарантеллы?

Самый час для любимого сериала. Вооружившись коронным блюдом, Существо занимает место напротив голубого квадрата. Вчерашняя серия явилась большим обещанием. Существо не простит себе, если пропустит продолжение.

Полиция смастерила искусную ловушку для гангстеров. Сегодня они точно поймут негодяев! Существо рвёт душу за героев, не рождая лицом эмоции. Шкафы, скукой прибитые к стенам, ставят на плохих парней, тоскливо желтеющие обои – на стороне полиции. С антресоли азартно поглядывают книги, годные лишь для того, чтобы сделать серое вещество ещё серее.

Подземный пинок тряхнул домом, как блондинка тазом в рекламе жвачки. Существо ммурится оттого, что прослушал реплику. Толчок повторяется – запылённый сервиз подпрыгивает на полках, поперхнувшись хрустальной симфонией.

Что это? Землетрясение? Вчера в 19:13 не было землетрясения. И позавчера тоже...

В окно врзается вязкая жёлтая масса, схожая с гуашью. Окрашенные осколки усеивают вычищенный серый ковёр. Существо прыгает к открытой ране, ведущей наружу из бесцветного домика. Отсюда видна пустынная дорога, симметрично раскидавшая по сторонам десятков таких же бесцветных домов. Солнце оживляет район, но туман навсегда вселился в здешний организм. Сухая ладонь пробегает по коротким волосам, лицо лепит смятение, когда Существо замечает сюрприз, приготовленный невзрачным днём.

По шершавому асфальту вызывающе шагает великолепие. Длинные белые волосы властвуют над ветром. Сдобные формы высечены гениальным скульптором или жутко изошрённым кондитером. Ноги дивы длинной в линию экватора, платье слеплено из глины оттенков огня и воды. Мягкий шаг серпантинном на серой дороге оставляет жёлтые, розовые и голубые полосы. Да что там, краска скатывается с женского тела и фейерверком взрывается на асфальте!

Берти разбивает мир Существа на три измерения: Яркое, Недостигнутое и Желанное. Одного игривого взгляда хватает – Существо бросается в прихожую, ненароком свалив со стола тарелки с едой. Он накидывает шляпу и пальто, уже через мгновение серая тень окружает поляну.

Существо поправляет бабочку в горошек, важности его мешает учащённое моргание и ватный ком, прилипший к кадыку. Бесцветный шагает за дивой с аккуратностью охотника, боящегося спугнуть редкую дичь. Берти оборачивается к попутчику, её улыбка говорит о безмерной любви к нему, но на самом деле дива торжествует от другого: красавец-червячок без труда выманил неказистую рыбёшку.

Существо дрожит обогретым айсбергом. Манящий взгляд грациозной леди – не об этом ли он мечтал? О каком ещё даре небес он думал, едва расставшись с подушкой? Но как же страшно и больно дышать...

Берти всё идёт, глядя спиной на дорогу. Под твёрдой наружностью девушка прячет непреодолимый страх. Комсен вкратце объяснил ей, кого нужно найти, но он не говорил, насколько чудовищен их общий враг. Стоило Берти вдохнуть свежего воздуха, рой зольных мух влетел в её лёгкие. Девушка, не задумываясь, двинулась навстречу смраду, и с той секунды ужас делит её сердце с опасным азартом.

Существо ступает по яркой дорожной разметке, превращая гуашь в дёготь. Лицо мужчины остаётся бледным, мысли же застенчиво краснеют. Бесцветный желает предложить красотке танец, но не знает, с чего начать. Коктейль всех тайных желаний так близок... Аромат манит лунной мелодией, но крышка пианино нещадно стучит по пальцам... Существо вывалено в танталовой муке и брошено в духовку!

Пурпурное марево вырастает за плечами дивы и тут же рассеивается, оставив после себя роскошный автомобиль переслащённого красного цвета. Берти посылает Существо воздушный поцелуй и награждает собой заднее сидение авто. Чёрные окна автомобиля проносятся мимо, лишая Существо дара речи.

В блёклых глазах сгущается отчаяние. Бесцветный признаётся: он едва не поддался дурацкому искушению. Он ругает себя за глупость, не замечая, как оказывается на уютном диване старого жёлтого автомобиля. Руль в руках бородатого мужичонка с усталым взглядом.

– За красной машиной! Живее!

– Что? – очнувшись, протягивает водитель. – Я ни за кем не поеду. Вылезай.

– Езжай сейчас же!

– Послушай меня, я разобрался с последним клиентом и сейчас спешу на семейный ужин... Как представляю, что ждёт меня дома... – Лицо мужчины застилается мечтами. – Я умираю от голода. Со мной ты не уедешь.

– Трогай! – рычит Существо, разворошив кошелёк.

Позеленевшая рука накрывает плечо таксиста. В старом теле стучит новое сердце. Глаза водителя мутнеют, в их цвете промокает бледная куртка.

– Другое дело...

Спустя пару минут жёлтая развалюха дышит в спину искушению. Автомобили режут колёсами центр и окраины светлого города. Существо, теряя рассудок, сеет ночь под осенним небом. Жёлтый автомобиль, фаршированный тьмой, чернеет на ходу. Существо не подозревает, что к балету присоединились незванные танцоры.

Комсен и Берокси дышат копотью в старом «бьюике» детектива.

– Сколько можно колесить?! Я что, на экскурсии? – ворчит Берокси.

– Это точно. Таким город я ещё не видел. – Комсен созерцает угрюмые кляксы, забрызгавшие небосвод.

Отравленное небо обстреливает жителей дождём. По тротуару бегут мятежные ручьи. Фонари сходят с ума, убажывая чревоугодие тьмы. Оранжевые листья взрываются в пепельном конфетти. Цвет города тает в траурном конформизме.

– Если мы не решимся на крайние меры, я буду вынужден передать дело, Комсен!

«Однажды я буду вынужден протереть твои очки!» – думает детектив.

– Если она ускользнёт, тебе не поздоровится! – продолжает Берокси.

– Я думаю не о ней.

– Тебе придётся перечитать уголовный кодекс, чтобы пришить тому парню убийства. У нас никаких доказательств!

– Я вырежу его бесцветные глаза. Это будет моим доказательством.

Шипящее спокойствие Комсена пугает Берокси, он закуривает трубку. Со смолой в лёгких проще дышать, чем оставаться неустрашимым в присутствии детектива.

Зелёный «бьюик» встаёт неподалёку от освещённой огнём подворотни, у которой решил прикорнуть красный болид.

Пламя из мусорной бочки ласкает грубые кирпичные стены. Берти спиной подпирает шероховатые своды, ведущие в бесконечный лабиринт туманных дворов. Игривый локон намотан на палец, алый глиняный слепок на груди выглядит подарочной обёрткой.

Существо в метре от подарка. Глаза дрожат, рот выдавливает стеснительную улыбку. Берти манит пальчиком. Существо уже не страшно, он подходит вплотную, Берти тянется к бесцветным губам, но не для поцелуя. Струйка воздуха отправляется в разинутый рот. Коготки, крашенные охрой, гуляют по дрожащему мужскому телу. Существо наполняет испуг. Надутые глаза отшатываются. Бесцветный задирает жилет и рубашку – из серых царапин на животе сочится прозрачная жидкость. Берти только улыбается, что окончательно заводит мужчину. Существо сжимает плечи девушки, чтобы познать, наконец, вкус её губ.

Постукивание пальцев Комсена действует Берокси на нервы.

– Чего мы ждём, не пойму?! Пора действовать!

– Нет, – настойчив детектив. – Нужно позволить ей закончить начатое.

– Я не желаю ничего позволять ей! Любой момент может оказаться фатальным!

– Будь спокоен, Берокси. Я начеку.

– Ты всегда начеку... А потом становится поздно!

– Она справится. Мы будем ждать...

Громоподобный рокот вынуждает заткнуться. Яркая вспышка апперкотом сражает сумерки. Из подворотни выглядывает жёлто-розовое цунами и умывает хмурый город.

4

Мокрый асфальт ловит детектива, рука прячет ужаленное лицо. Первое, что видит Комсен, одолев боль – контуры дряблого человечка на белом полотне. Берокси поправляет котелок стволом револьвера, пальто его останавливает цепкая хватка.

– Куда ты собрался? – кричит Комсен.

Глаза детектива против воли накрываются веками.

– Нельзя терять время! – всхлипывает Берокси, отдёрнув руку.

Квадратные дома разукрашенными рожами обступили одинокий автомобиль, заплёванный радугой. «Бьюик» служит Комсену опорой, рука детектива ищет напарника.

– Ты всё испортишь, Берокси...

– Это ты сплошная порча! – ворчит коллега. – Освобождение этой дряни было плохой идеей, что я говорил! С меня хватит! Я следую для задержания. По твоей милости у нас теперь два преступника!

Широкий шаг коротконового Берокси быстро достигает подворотню.

Растерянное Существо коленями вытирает грунт. Пёстрые лужи окружают убийцу. Он восторженным страхом осыпает дрожащие руки, жёлтые сгустки сродни лаве кипят на бесцветных ладонях. Берокси остаётся без внимания, как и его револьвер. Пуля с грохотом покидает дуло, шляпа слетает с головы Существа, уродливый след растягивается по лбу... Но уже через мгновение от раны не остаётся следа. Берокси на миг забывает собственную фамилию.

Следующая пуля садится в сердце. Чайный пакетик, брошенный в чашку, создаёт куда больший эффект. Свежая рана затягивается подобно предыдущей. Бесцветный бросается в арку, танцующий силуэт вскоре испаряется в тумане. Берокси не смеет двинуться. Внезапный Комсен отталкивает в сторону оторопевшего коллегу. Взгляд детектива падает на бесцветную шляпу и вязкий колер, выжигающий землю.

– Что тут было? Ты упустил его? – Детектив прибывает Берокси к стене.

– Я хоть что-то делал, пока ты протирал глаза, Комсен! Я не зря ношу эти очки, верно? Отпусти меня! – визжит Берокси, болтая ногами в воздухе.

Комсен слышит только себя.

– Ты стрелял в него?

– Его не взять пульей! Зато краска нашей леди здорово подпортила ему кожу! Вот только где она, а? Может, ты мне ответишь?

Комсен до крови кусает губу, осматривая яркие царапины на земле, соединяющие цветные лужицы.

– В общем, теперь это твои проблемы, – язвит Берокси. – Я умываю руки!

Густой дым цвета маренго поднимается от земли и уносит с собой едкую улыбку Берокси. Комсен опускает бесполезные руки.

«Опять эти штучки. Теперь он будет колоть меня в уязвимые места. Чёрт с ним. Время полистать черновик. Только в одиночестве можно взвесить свои ошибки и расставить ловушки на чужие. Берокси покинул меня. Я никогда не узнаю, за что мне такой подарок судьбы. Одно знаю точно: пора остановить мрачный карнавал».

Следующие сутки детектив Комсен проводит в поисках Существа, след которого стремительно остывает. Дом Существа пуст, как и офис. Похоже, Существо ушло в тень, если в тени, конечно, есть место для тени...

В долине полыхающей жизни терпит крушение радуга. Живописный хаос топит высоты, как ненужных котят. А всё оттого, что красавица Берти больше не желает глядеть сквозь

тюремные прутья. Прививкой от скуки она вонзается в сердце светлого города. Высокие белые туфли ведут к революции.

Тело Берти измазано краской, поверх которой его облепили павлиньи перья, голову венчает корона, общипавшая ту же славную птицу. Между пальцев зажат деревянный мундштук, ставший локомотивом для пяти сигарет. Рука дамы стискивает бутылку шампанского, время от времени игристые капли стекают по совершенному телу дивы, то и дело выдувается к небу смог.

Берти то возвышается над игорными домами и ресторанами, то возвращается к взглядам смертных. Тех, кто порядком залюбуется грациозной дамой, ждёт многообещающая улыбка и не самая приятная судьба.

Веснушчатый подросток неведомой силой посылается в ближайший магазин. Рождённый в руке пистолет затыкает продавца, кассовый аппарат раскрывает пасть, после чего зелёные бумажки маршируют к карманам ошалевшего грабителя.

Обладатель шёлкового галстука, проехав мимо Берти, не замечает, как детская коляска наматывается на колесо его автомобиля. Водитель скрывается в ближайшем повороте, что подарит ему второй шанс поглядеть на чудо в перьях.

Закрутив пару акварельных смерчей, Берти берёт тайм-аут у огней казино. Даму встречает овациями дюжина «одноруких бандитов», раздробивших головы обогатившихся.

День забыл наградить Комсена лавровым венком. Детектив вымотан, от него веет потом и старостью. Утром он проигнорировал полицейский участок и теперь, поднимаясь по ступеням к рабочему улью, ожидает брошенный плевком в лицо выговор.

Но в отделе всё не так хмуро, как в мыслях старого детектива. Виски течёт рекой, бравые бумаготворцы прыгают по столам, парят пустые кобуры. Каждый блюстителю обзавёлся девкой в чулках, облепивших сальные ноги. Громкий смех разбавлен звоном бокалов. На лице Комсена селится омерзение, в голове проносится лишь одно имя.

Первым Комсена встречает плотный мужчина с армейской причёской и густыми чёрными усами, в руке – наполовину опустошённая бутылка.

– Здорово, старина! – кричит он детективу и желает обнять.

Стук в дверь мешает объятиям.

– Подержи-ка...

Мужчина отдаёт детективу бутылку и направляется к двери. Комсен с отвращением смотрит на сосуд, тот скоропостижно отправляется на ближайший стол.

На пороге рыжий мальчишка, вооружённый исполинской коробкой пиццы. Усач встречает парнишку укором:

– Ты опоздал, прыщавый уродец! Я не буду за это платить!

Пистолет щёлкает в грубой руке, голова юнца ошмётками осыпает стену. Мужчина отбирает коробку у павшего тела. Он обращает к пьяным сотоварищам противный гогот, получая такой же в ответ. Вернув руке виски, усач торопится накормить итальянской стряпнёй попавшую под руку пташку. Женский куриный смех только усиливается. Комсена избивает протестующее бессилие.

Мужичок с узкими злыми глазками замечает Комсена, стоящего в стороне от шумной толпы. Лысеющий закон подплывает к детективу.

– Дела плохи, шеф, – бормочет Комсен. – Мерзавец пропал. Возможно, его нет в городе. Но, скорее всего, он затаился. Я провёл паршивый день, и всё зря. Но я уверен, что я сделал больше, чем все вы, вместе взятые.

Комсен впервые находит улыбку начальства.

– Не напрягай башку, дружище... Угощайся...

Шеф протягивает дымящийся бумажный свёрток. Сталь в глазах Комсена блестит по-новому. Детектив мысленно душит шефа, поджигает полицейский притон и испаряется.

Комсен проклинает вечернее небо: дождь оставляет цветные штрихи на плаще. Спрятавшись в гуаши, прячущей телефонную будку, детектив стучит по кнопкам. Абонент не томит ожиданием.

– Ничего не говори, – решительно начинает Комсен. – Я займусь всем по порядку. У нас две мыши, одной мышеловки мало. Как только посчитаешь нужным, подключайся. Я не стану мешать.

Динамик трубки врезается в рычаг.

Сегодня бунт пахнет лаком. Берти всё мало. Чем больше взглядов, тем гуще сок. Тем меньше скучно сложенных судеб, чем громче стук каблуков.

Улыбчивая дрянь продолжает шествие, вооружившись ослепшей толпой. Они следуют по пятам. Желчь сочится из глаз, тела пропитаны сиккативом, руки сжимают молоты и прочие орудия воли. Они влекут за собой солнечное болото, громя всё, что сонливо глядит на триумф. Берти поигрывает пальчиками – витринные стёкла падают с дребезгом, машины колёсами созерцают небосвод.

Шампанское в бутылке давно кончилось, но отчего-то напиток продолжает литься на спелые губы Берти. Она поднимает сосуд для очередного глотка – диву осыпают колющие осколки. Бутыль звучно лопнула, оставив покорёженное горлышко в красивой руке. Берти жалкую секунду хмурит бровки. Стоит ей поднять взгляд, прежняя манящая улыбка занимает престол.

Комсен стоит на краю разукрашенной высотки, дымящее дуло револьвера выглядит жерлом танка. Детишки внизу остаются без присмотра.

– Что такое? – невинно бросается в затылок Комсена. – Ты обиделся? Извини, если хочешь, я могу поделиться с тобой своей радостью...

– На твою радость слетаются грифы, – молвит детектив.

Его взгляд будто бьёт девушку по лицу. Потирая щёку, Берти глядит себе под ноги.

– Я... Я просто не удержалась, – отчитывается она.

– Не удержалась? – Детектив выглядит отчаявшимся. – Я выпустил тебя из клетки, высушил все лужи на твоём пути и пришел к небу зонтик. И чем ты мне отвечаешь?

Берти принимает упёртую позу. Тупя обиженный взгляд, она накручивает волос на палец.

– Дорогая... Откуда в тебе эта дикость?

Комсен сближается с девушкой. По крыше гуляет ветер, Берти служит единственным источником света. Детектив нежно поглаживает девичье личико.

– Почему ты вечно портишь мои вечеринки?! – закипает дива. – Почему ты не хочешь насладиться вместе со мной?

– Потому что твоя необузданность не делает меня счастливым. Я всего лишь один, Берти, и обязан держать тебя в узде. Но я не хочу быть твоим врагом. Лишённые тебя – такие же мертвецы, как и обьевишиеся тобой.

Голубые глаза грустны, морщины рисуют на лице не нужный обществу опыт.

– Прости меня, – смягчается Берти. Тёплая ладонь её опускается на руку Комсена. – Я правда не хочу твоих мучений. Кто угодно, только не ты. Те люди мечтают обо мне... Во мне есть цвет, влекущий их взгляды. К несчастью, ты остаёшься неприметен... Так не должно быть.

– Не думаю, что сейчас лучший момент, чтобы обсудить нашу свадьбу.

Комсен тепло улыбается. Берти отвечает взаимностью, в этой улыбке нет и капли похоти.

– Что я могу сделать для тебя? – интересуется она.

– Ты знаешь, я против подобных мер, но один гадёныш просто обязан тобой обожраться. Хотя бы один раз в жизни.

– Это может быть первый и последний раз...

– Я знаю.

На губах Берти застывает вопрос, который не решается выскользнуть. Комсен всё понимает. Безысходность в его взгляде убеждает Берти: у дивы теперь столько же шансов, сколько у бесцветного.

Когда будущее кровоточит, настоящему некуда деться. В истеричном припадке оно бежит к прошлому, припадает к ногам, требуя неосуществимого. Существо сразило бы мир глупостью, если бы не затаилось там, где его стоит искать.

Здесь воздух твёрд. Правила диктует упёртая затхлость. Существо забито в угол прихожей. Рубашке досталось немного краски, плащу и жилету пришлось хуже – они лежат рядом, скомканные и пахнущие негодностью. Из кухни доносится противная пряность: две влюблённые пары наслаждаются яблочным пирогом, широкие улыбки занимают неширокие лица. Их громкой фальшивости не под силу отвлечь Существо от зачарованного любования. Бесцветный прикован к израненным ладоням, что прожжены насквозь. Точно стигматы на праведном теле, они наполняют Существо страдальческим смирением и дарят ему неплохую замену циркуля.

Кухонная люстра – разъярённый спрут – тянет полосы света к прихожей, но щупальца эти убого коротки. В преобладающем сумраке ясно видна обесцвеченная Жюльетт, сливающаяся с полом. Она лежит у ног своего убийцы, глаза уставлены в потолок. Сквозь дыру в ладони Существо смотрит на убитую.

«Как она молода... Как прекрасна. Как же чиста её плоть, что, даже лишившись цвета, смеет внушать целомудрие».

Передний план мгновенно напоминает о Берти.

«Ох, красotka... Цвет и безумие этого мира. Я отдам всё, чтобы забрать её туда, где мы проведём наши последние дни. Мы рождены друг для друга. Нас пленит нескончаемый чарльстон».

Неподалёку разливается кипяток, невозмутимый звон чашек и такой же фарфоровый дружеский смех.

Существо трясёт, обезвоженное тело подпрыгивает на месте. Убийца чувствует тепло Берти. Она рядом! Но где? Бесцветный вопрошающе смотрит на тело Жюльетт – та всё молчит. Выпачканный краской плащ накрывает девочку, но не даёт ей ни тепла, ни цвета. Существо донимает себя вопросами, понимая, что значат раны на теле.

«Да! Да! – орёт молчащее лицо. – Я буду страдать ради неё! Я готов! Я готов!!»

Существо пролетает над кухонным столом, не отвлекая друзей от беседы. Тело пронзает окно, убийцу встречает утопающее в цвете болото. Существо поднимается, как ни в чём не бывало. Череп кукожится от быстрого бега, мир пролетает мимо. Глаза едва не покидают глазницы, зубы скрипят от давления, уши склонны извиниться за неслышанное. Всё так мелко и маловажно! Есть только Она и Он! С возбуждающей мыслью Существо собирает подошвами лужи.

5

Нет холодных цветов.

Есть холодные рожи и дальтонизм души.

По венам замёрзших тел протекает дешёвая краска.

Некоторым людям открыт лишь один способ окрасить мир – сдохнуть.

У остальных...

У остальных есть мечта.

Всё как прежде. Разве что огонь из мусорной бочки не так щедр к засыпающему кирпичу. Берти на излюбленном месте. В позе, что восхитила бы и заскоружлого евнуха, она украшает мрачный свод. Светлая голова лишена короны, изящное тело ещё хвастает оперением.

Бесцветный знает о неизменном месте встречи. Согнувшись у подворотни, он дрожит, тяжело дыша. Его надежда отдышаться тает, как только находится стремление выше. Он поднимает взгляд на Берти – оазис в душном городе как никогда притягателен. Дива не выглядит краше в чарующем огненном свете. Только потому, что краше некуда.

Детектив Комсен тщательно скрыт тенью, едва сдерживает холодный пар. Оружие наготове, близость мишени нервирует уставшее дуло. Приманка сработала – чудовище вышло наружу.

Но то, что предстаёт перед Комсеном, вынуждает забыть о сиюминутной расправе. Да, перед ним монстр, одним видом призывающий холод, но в тёплых глазах бесцветного горит яркий силуэт: красавица Берти подобно ведьме прикована к столбу, что вогнан в сердце костра. Однако пламя не причиняет Берти страданий, оно тратит всю свою мощь на то, чтобы оградить её от холодного ветра.

К диве приближается сутулая тень. Испачканная рубашка небрежно свисает с тела, брюки и туфли – в болотных пятнах. Ветер обжигает раненые ладони. Нет ни боли, ни страха... Берти заклонила бесцветные полушария мозга.

– Вот мы и встретились... – голос Существа дрожит. – Такое чувство, что я шёл к этой встрече всю жизнь. Я боюсь узнать, что всё это всего лишь сон... Если так, я не желаю проснуться.

Берти, как всегда, манит улыбкой.

– Потанцуем? – предлагает она.

– Нет! Больше никаких танцев!

Воздухом жонглируют дырявые руки.

– Я хочу каждый твой оттенок! Каждый твой вздох! Будь моей!

Он бросается к Берти, в блёклую грудь упираются крашенные ладони. Существо замирает, с вожделением уставившись в масляные белки её глаз. Кроваво-красный язык Берти врывается в холодный бесцветный рот. Привкус скипидара смешивается с волшебным клубничным ликёром. Нет другой такой оскомины, что казалась бы райским леденцом. Длинные ногти Берти сверкают в ночи. Всё рьянее увлекая Существо поцелуем, она впивается коготками в бесцветную шею. Вмиг рисуются рваные полосы, неожиданно наливается цветом кровь.

Берти разбивает мир Существа на три измерения: Яркое, Недостигнутое и Желанное. Теперь уж точно.

Существо переживает жуткое ощущение. И первая физическая боль, даже столь приторная, не может оторвать его от сладкого поцелуя. Лазурные пальцы Берти действуют подобно бумаге, опоенной лакмусом, острые ноготки продолжают возиться в наливающейся кровью ране. Дрожа от боли, Существо насыщается цветом мечты.

Детектив Комсен вырастает за бесцветной спиной. Дым маренго гуще прежнего заполняет воздух. Тыл Существа так и просит увечий. На асфальте очерчивается гражданин пистолет...

Но Комсен больше не смеет различать. Казалось, он привёл жертву на съеденье чудовищу, а теперь то чудовище выглядит жертвой разбуженного монстра. Сочная кровь заливают землю.

... Жаль, что нельзя просто исчезнуть, пустить всё на самотёк. На это намекает дым, штокой заслонивший глаза...

Три выстрела – три рваных отметины на рубашке. Светлая ткань промокает в багровых пятнах. Фонарь, что повис над Комсеном, загорается солнцем, сумрачный детектив в центре жёлтого круга.

Существо отвлекается от поцелуя, окрашенный мрак обращён к Комсену. Изо рта струится красный ручей. Грудь украшена чёрной дырой. Светлые помыслы сорочки поспешно гаснут. Берти ныряет во тьму дворов, а Существо движется к детективу. Изумлённый взгляд замер в одной точке, ноги бросаются в стороны и при каждом шаге усердно шупают землю.

...Исчезнуть нельзя. Но можно дать шанс тому, что обрело новый оттенок. Возможно, я из тех, кто видит белый круг в чёрном квадрате, но, чёрт возьми, зачем вообще нам глаза?..

Комсен не шевелится, кратер извергнувшегося револьвера опущен вниз. Существо припадает на колени, каждое движение – весом в центнер. Во взгляде – вся агония мира, в голове – изъеденный тараканом пейзаж. Бесцветный роняет раскалённую бочку. Горящие газетные выбросы устремляются в воздух, мотыльками кружат над влачащимся телом, тонущем в крови.

Плотный дым мешает Берти видеть, но шаг её только ускоряется. Рука прижата к груди, из которой меткая пуля выталкивает питающую жидкость. Из раны сочится та же краска, но тона её с каждой секундой грубеют.

Гуца дворов – дело рук того же Дедала, что олабиринтил Крит. Берти в числе присланных на убиение здешним чудовищем. Жёсткий бампер, подсвеченный ярким светом, сбивает диву с дороги. Чёрный автомобиль скрипит тормозами, фары находят в темноте красочное тело. Грузная фигура увлакивает неподвижную Берти на заднее сидение, чем и наслаждается Берокси, высунувшийся из бокового окна. «Теперь ты никуда не денешься. Ни шага влево, ни шага вправо...», – мечтает он. Краснощёкий водитель с мёртвыми глазами трогается с места.

...Однажды ты снова вернёшься, однажды они научатся с тобой обращаться. Прости меня, Берти, и спасибо тебе. Пока мы пытались сломить чудовище, ты создала человека...

Лбом уткнувшись в ноги детектива, Существо находит пристанище. Силы ушли в другие тела, это же напоминает клиента мясорубки. Существо переворачивается на спину, опустив затылок на туфли Комсена. Свет фонаря открывает перемены в застывшем лице бесцветного: кварцевую бледность постепенно вытесняет румянец.

Комсен поднимает взгляд – небо не проясняется. Ему, как и всем, нужно время. Отмахнувшись от влюблённых бабочек, детектив уходит в засохшую ночь.

II. Маренго

1

Мир, не двинувшись с места, обернулся чужим. По-другому запах, запел по-особому. Раньше он просто был. Пахнуть не смел, держал рот на замке. А теперь этот вой... Песня нового ветра, ярких звёзд свежий блеск. Может, дело лишь в Нём?

Медленным, лишённым всякого желания шагом Он покидает двор, что никак не выбросит из головы. В последнее время Он является сюда не в меру часто, вглядывается в ночные окна, толкая скрипящие качели, и сейчас уходит навсегда.

На центральных улицах особенный холод. Земля и небо сошлись в чёрном рукопожатии. Изябший месяц прячется за небоскрёбами. Здесь правит мрак, но это уже не Его вина.

Укутавшись в плащ, Он вздрогнул инертно. Опять это, ни с чем не схожее, ощущение. Внутри Него что-то бежит неумолимым ручейком, оно мёрзнет и, моля, впивается в кожу.

Всё вокруг тусклое, мёртвое. Даже светящиеся радугой вывески ночных забегаловок бросают грустную мусть на мокрый асфальт. Ветер замер возле ушей, предсмертные всхлипы спящего города с трудом пробивают щит. Город не дремлет, убеждает Он.

Грандиозное здание – шпиль тянется в космос – брезгливо глядит на малоэтажных соседей. Толпа из мужчин и подростков злобно ревет на парадные двери.

Лица спрятаны масками и платками, грубый лозунг пронизан грустью, будто долго терпел предательство. Людей много, что-то около сотни, городу явно не до сна. Их тела и одежды болтаются в баклажанной дымке, по всей улице тащится хмурая завеса.

Человек (так теперь Он себя называет) переходит дорогу. Осторожно, не задирая взгляда из-под полей шляпы, чтобы не встретиться с прогневанным глазом.

Ему это не нужно, пусть кричат о зарплате и ценах, а Он просто гуляет. Фонари слепят белым, их мало осталось, Человеку стыдно за тёмную ночь.

Из дверного проёма лениво ползёт облако табачного дыма. «У Вильтора» – гласит вывеска и вылизывает лицо неоновой вспышкой, зелёной и розовой. «Какое знакомое место...» Внутри смешаны звуки: методично цокает кий, футбольный комментатор торопит катящийся шар.

Протестующие голоса сильнее кипят за спиной. «Верните нашу свободу! Верните нам голоса!» – повторяет толпа. «Гм, если у вас отобрали голос, отчего меня мучит ваш ор?» – думает Человек. Не понять Ему крикливой свободы, Ему хватает свободы молчания.

Вопли взбалтывают воздух, находиться здесь становится больно, Человек идёт на досадный клич – «какой красивый мог бы быть гол!». Здесь можно укрыться, заверяет улыбка бармена. Вильтор улыбается, как родному.

Молодые пижоны в дальнем углу чешут киями зелёное сукно, враждебные взгляды ненадолго задерживаются на Человеке. Столы и стулья, имеющие разное прошлое, заняты тоскливым существованием.

Пыль собралась в силуэты людей, но была б веселей, коль осталась бы пылью.

Вильтор, внешне добрый мужичок, подзывает к себе. Черты его громко спорят друг с другом: верхняя часть лица, как у познавшего жизнь профессора, нижняя же разит старым сапожником. Да и сам он похож на сапог: кожа с виду как юфть, и местами будто начищена ваксой.

Пройдя к барной стойке, Человек забирается на высокий стул, ближе к улыбке бармена.

– Как поживаешь, дружище? – басит Вильтор. – Я знал, что ты зайдёшь. Новый галстук? Не припомню у тебя такого. Тебе идёт!

Человек опускает удивлённый взгляд на алую в белый горошек бабочку. Он не расстается с ней лет эдак десять.

Внутри проникает возглас толпы, его старается вытолкнуть бешеный гвалт телевизора. Вильтор ненадолго отвернулся к бутылкам, но вскоре воротился, с укором взглянув сквозь дверь.

– Эти бездельники всё не разойдутся. Орут, орут... Врубаю телик громче, а их только лучше слышно! – гневится он, взявшись за пульт. – Ни черта сегодня по «ящику». Есть футбол... Да это пляски калек, а не футбол! Но на безрыбье, как говорится...

Бармен усмехнулся, показав кривые зубы.

– Ты-то как? – интересуется он.

– Всё хорошо... – застенчиво отвечает Человек.

Он не может справиться с дискомфортом, точно голый перед зрительным залом.

– Я уже говорил, что ждал тебя? Ты не мог не зайти. Дискотек не будет до выходных, значит, заявись сюда, – сказал я себе и угадал. Тебе ром, как обычно?

– Ром? – брови Его прыгнули к полям шляпы.

– Ну.

– Налей чаю, пожалуйста, – молвит Человек, проглотив неуверенность.

– Хм... Странный ты какой-то... – замечает Вильтор, толстые руки бармена копошатся под стойкой. – Влюбился что ли?

Он поднимает голову и противно ржёт, неприятным дыханием стреляя в лицо Человека. Звон чашки, слава Богу, затыкает его. Скрипя бранью, Вильтор собирает осколки. Крепкий напиток наливается заново. Бармен бросает внутрь жёлтый комок, чашка плывёт к рукам гостя.

– Лимон за мой счёт, – говорит Вильтор.

Вытерев стойку, он возвращается к чаёвнику.

– Какие планы? – глаза бармена наполняются голодным интересом.

– В смысле?

– Приметил кого-нибудь? Могу поделиться некоторыми сведениями.

Вильтор разворачивает собеседника и тычет толстым пальцем.

– Вон, погляди туда...

Он указывает на хрупкую блондинку, тоскующую в одиночестве. Взгляд её застрял в грязном столе, усеянном пустыми треугольными бокалами.

– Молоденькая, в твоём стиле, – шепчет Вильтор. – Милое создание, да? За сегодня она убрала в себя недельный запас мартини.

– Что случилось? – неприятно встревожился Человек.

– Всё банально: парнишка её, дурак горячённый, сбежал с другой за день до свадьбы. Смотри, как мучается бедняжка, не щадит себя. Те тупицы битый час охмуряют её талантом катать шар, но мы-то с тобой знаем, что ей нужно! – Вильтор толкает Его локтем и булькающе смеётся.

– Ага, – Человек силится улыбнуться. Тщетную попытку Он спешно запивает чаем.

– Поворачивай вправо... – приказывает бармен.

Не менее печальная картина: миловидная брюнетка жалуется на жизнь бутылке шампанского. Тушь чёрными слезами окропила щёки. Выражение лица её то вязнет в смертельном унынии, то светится кровожадной ухмылкой.

– Ванесса. У неё особая драма, – поясняет Вильтор. – Узнала, что бойфренд временами ночует в чужой кровати. Парень ещё не знает о её планах мести, но поверь – она с усердием ищет того, кто поможет ему отплатить. Его и пальцем трогать не придётся, а вот она не против всей пятерни! – И вновь тот хлюпающий смех.

Человек же продолжает мотать головой, Он не смеет отвести глаз от изящной женщины с пепельным цветом волос и выцветшим румянцем. Замершая в смущённой позе, она напоминает кошку в ожидании голодной смерти.

– А эта кто? – спрашивает Он, вызвав радость у бармена.

– Ха, глазки-то загорелись! Вот теперь я тебя узнаю!

Вильтор видит то, что хочет видеть, и Человек не хочет портить ему настроение.

– Эта дамочка пропадает здесь не один месяц. Странно, что ты видишь её впервые, – продолжает бармен. – Зовут её Эдель. Прекрасное имя, не правда ли? Дама хладнокровная, редко к себе подпускает. А если подпустила, не удивляйся внезапному коготку. Я многое о ней слыхивал, но правда в том, что дружок её вернулся из «горячей точки» с ядром между ног.

– Он умер?

– Да если бы! Прикован к больничной койке. Бросить его она не может, тем мучительней мысль о бесплотной любви до конца дней. Приглядишься, какая кошечка. Так и ждёт того, кто утешит. Я скоро закрываюсь... Учти, пропустишь мимо глаз – ею займусь я. Она давно на меня поглядывает.

Человек едва не вскрикивает, представив, как это волосатое и, вероятно, грязное тело уводит несчастную женщину в прогнивший клоповник.

– Ты прав, такую нельзя упустить, – молвит Он и сбегает со стула.

Оставив деньги за чай, Человек спешит занять безрадостный столик.

Он заметил огорчение Вильтора: бармен посмотрел на Эдель как в последний раз.

Комментатор желает зрителям спокойной ночи, а к тому моменту, когда Человек приземлит чашку рядом с бокалом Эдель, тучный мавр расчехлит контрабас. Грубая, блаженная мелодия вытекает из шипящего динамика, к randevу подключается мечтатель-клавиттник.

Похоже, ещё недавно лицо Эдель выглядело свежим и молодым, сейчас оно покрыто бледной корочкой, а взгляд, как испуганная мышь, бежит под столом. Дама не обращает внимания на подсевшего, Человек же не может налюбоваться ею. При всём восхищении Он вряд ли окрестит её идеалом: нос с небольшой горбинкой, тонкая линия губ, под платьем виднеется слегка вздутое тело. Да, но все недостатки отмечают глаза – бездонные овраги, залитые чистой родниковой водой; и эти чудеса света вынуждены томиться в страшной тоске... Но больше всего Человека завораживает её искренняя грусть, которую Он, кажется, способен усыпить. Вильтор больше не глазееет в эту сторону – маленькая победа.

Нужно что-то сказать, но сказать нечего. Человек решает отдалить эту проблему, отпив чая, рука Его дрожит, отправляясь к губам. Этот жест что-то пробудил в девушке, Эдель впервые шелохнулась, протянув длинные пальчики к хайболлу, в котором плещется прозрачная жидкость блёклого зелёного цвета. Она делает скромный глоток, Человек всё ждёт её взгляда...

Он бесконечно щипает себя за палец и нервно жуёт губу, нога неприлично дёргается, а сердце бьётся в чужом ритме. Такое чувство, что контрабас из телевизора влез в его тело и управляет им на радость себе.

Подкравшийся барабанщик подражает тикю часов. Время бежит, растёт давление. Человек, кажется, нащупывает нужное слово, оно взбирается по скользкому горлу, вот уже скатывается по языку... и разбивается о дрожащие зубы. Человек вновь обращается к чаю. Поднеся сосуд к лицу, Он замечает, что чая в нём не осталось. Он втягивает воздух с нарочитым причмокиванием, с каким смаковал бы напиток, и возвращает чашку на место, случайно задев стакан Эдель. Звонкий поцелуй заглушает хлопнувшая дверь. Человек окидывает взглядом зал – блондинка исчезла, как и один из бильярдистов, а заплаканная Ванесса ныне жалуется Вильтору, встав у барной стойки. Лицо Бармена скрыто затылком дамочки, но оно, наверняка, изображает склизкое радушие девичьему горю. Человек, наполненный лишними мыслями, возвращается к Эдель, его поджидает невиданный взор. Холодный, немой, но задающий тысячу вопросов. Человек под прицелом двуствольного ружья. Станцевав на стуле, Он при-

нялся искать помощи: у тучного мавра, у вентилятора, шумящего над головой, у охотника, упакованного в багет, их равнодушие возвращает Его к стальной даме. Теперь она приклеилась намертво, словно ждёт, когда Человек сдастся или решится подойти на шаг. Борясь с ознобом, Он отвечает ей молящим о пощаде взглядом. Тогда она произносит, прохладно и тихо:

– Пошли.

...И, отобрав пальто у спинки стула, резким шагом направляется к выходу. Человек, оклемавшись, бросается следом.

Холодная ночь разбросала капканы. Как ни пытается тонкий фонарный столб напрячь голову, сумрак оказывается хитрее. Выйдя на улицу, Человек встречает лицом смолистый комок пыли. Он завис на месте, всё ещё переваривающий в голове фразу Эдель. Её «пошли» явилось хлёстким ножевым ударом, направленным в лицо, но ударившим в спину. Помотав головой, Он замечает Эдель, шагающую так быстро, будто она мечтает сбежать куда подальше от этого места, города и планеты. «Скорее всего, так и есть», – думает Человек. На ходу девушка укутывается в чёрное меховое пальто, при желании она бы полностью спряталась в норковую шкуру. Не без труда Он настигает её, но каблучки, жёстко бьющие по асфальту, не стремятся снизить темп, и Человеку остаётся плестись позади и наблюдать за подпрыгивающей копной пепельных волос.

Они прошли чуть больше десяти метров, когда за спиной послышался шум. Эдель не проявила интереса, Человека же охватило волнение. Обернувшись, он становится свидетелем страшной картины: озверевшая толпа врывается в заведение Вильтора. Руки обжигают горящие бутылки, в коже оставляют занозы дубины, тела толкает в бой чёрно-синее облако дыма. Через мгновение стулья кафе меняют тёплые половицы на сырой асфальт, в разбитые окна выглядывают огненные макушки.

Отчего-то волнуясь за Вильтора, Человек не спешит уходить. Пока не замечает, что участок дороги между Ним и баром стремительно проглатывает злобная дымка. В спешке догнав Эдель, Человек обнимает её за талию и уводит к дороге.

– Холодно сегодня, давайте возьмём такси.

Он открывает дверь первой коптящей колымаги и, дождавшись, когда Эдель устроится на диване, садится рядом. Заскучавший водитель так обрадовался компании, что, не церемонясь, вдавил педаль газа, а Человеку всё не видать покоя. Сквозь грязное облако Он вглядывается в место свары, наивно ждёт, когда улыбающийся Вильтор помашет ручкой. Человек отрывается от окна, когда таксист сворачивает с улицы.

Чёрно-синему облаку не пополнить рацион новым блюдом, туча выхлопных газов наполняет прозрачный желудок. Глядя вслед сбегающей троице, оно презренно сжимает грязный кулак.

2

Во тьме раздаётся «щёлк», и сквозь пыльный абажур убегает мутный жёлтый свет, демонстрируя тесную прихожую. Видавший лучшие времена трельяж умещает телефон, кипу журналов и открыток. Стоячее зеркало почти дотягивается до потолка, со стен поглядывают глиняные маски. Прямо по курсу – пара дверей.

– Раздевайся и проходи, – молвит Эдель, снимая пальто.

Человек вручает плащ вешалке, кладёт шляпу на трельяж и исчезает в ближайшей комнате.

Здесь интерьер напоминает личный кабинет увлечённого человека. Стол закидан книгами и бумагами, над ними понурились настольные лампы-близнецы. Стен не видать из-за обилия книжных полок, а если имеется пустой участок, то он обязательно занят снимком в рамочке. В основном, на них изображён крепкий брюнет, застывший в счастливой улыбке.

Человек проходит к кушетке, пересчитывая зубы хозяина квартиры, и усаживается на самый краешек. В комнате витает скверное настроение. То не смрад застоя, как сперва подумал Человек, или что-то в этом роде. Возникает ощущение, что квартира Эдель обнюхивает гостя и с минуты на минуту облает его, а, может, и вовсе схватит за ногу.

Сердце бьётся тревожней, рукам не найти места. Стараясь избежать фотоснимки, Человек семенит взглядом: тоскливая лампа – книжная полка – «Волшебная гора» Манна – пластинка «Времена года», Чайковский – неопишуемая радость мужчины в военной форме, обнявшего счастливую белокурую девушку...

– Что-нибудь будешь?

Хриплый голос хозяйки ворвался в комнату, испугав гостя. Трудно поверить, что девушка с фотографии превратилась в столь бледное, безрадостное существо.

– Джин, виски, коньяк? – продолжает она.

Эдель явно не желает переступить порог комнаты. Голова её лишь слегка просунулась внутрь.

– Можно мне чаю? – робко спрашивает Человек, оценивая сухость в горле.

– Чая нет. Но есть кофе.

– Будьте добры... И побольше сахара.

«Странный ты какой-то...» – прокатилось по её лицу. Человек прочитал это голосом Вильтора.

Эдель оставляет гостя наедине с портретами. Почти сразу же Ему становится жутко. По телу проносятся нещадные амперы, Человек чувствует, как тончают кожа и кости. Ещё немного, и совсем испарится. Сдавшись, Он убегает по горячему следу хозяйки.

Кухня выглядит куда добродушней, пусть в окно стучится гневная морось. Человек устраивается за столом, Эдель колдует над посудой, заслоняя обряд спиной. В чашке плавает растворимый кофе, в длинный стакан отправляется джин.

– Как тебя зовут? – спрашивает Эдель, видимо, устав от тишины.

Вопрос вынуждает гостя скукожиться.

– Я-Человек...

– Гм, в этом мы схожи.

– Возможно... – грустно добавляет Он.

Эдель незаметно, как казалось ей, подлила в кофе коньяк. Человек не успел остановить её и решил промолчать.

Она садится напротив, гнетущую тишину Человек забивает стуком ложки по стеклу. Эдель быстро надоедает пейзаж в чёрном окне.

– Милый галстук, – молвит она, отпив.

Человек не смог сдержать улыбку.

– Спасибо...

Он дёрнулся на стуле, нервной рукой потрепав бабочку. Радость сошла с лица, когда Он понял, чья ныне очередь говорить.

– Чем вы занимаетесь?

Человеку становится гадко, глаза Эдель вмиг наливаются грустью. Девушка сиюминутно поникает, и вновь царит молчание. Человек осмеливается на новую попытку, но сперва бороздит взглядом потолок.

Как же сухо во рту! С каким бы удовольствием Он влил в себя сладкое кофе, но та чужеродная масса, что растворилась в нём, может вскружить голову. Этого только не хватало...

– Мне нравится ваша квартира. Здесь... уютно! – он непроизвольно хихикнул и понял, что несёт чушь. Но останавливаться нельзя. – Сколько комнат?

– Две, – отвечает девушка, глядя вверх стакана.

– О, я ещё не всё видел. Разрешите посмотреть?

Он улыбается так, будто в самом деле этого хочет. В действительности Он мечтает сбегать... От ядовитого кофе, от отчаянных глаз, от мглы за окном. Но нельзя просто так хлопнуть дверь. Только если заранее перепрятать ножи да вилки, на всякий случай, но Он здесь точно не для того, чтобы рыться в комод.

Узкий коридор соединяет кухню и комнату. Эдель провожает гостя и скрывается в ванной, откуда вскоре доносится шум воды. Человек, поверив в свой лживый интерес, осматривает гостиную. Глазу есть, за что зацепиться: причудливый декор, картины малоизвестных авторов, на полу улёгся лист ватмана с незаконченным пазлом, сплотившим небо и тропическую гавань, но Человека загадочно влечёт нечто громоздкое, что прячется под чёрной материей. Он не может унять любопытство с той секунды, как свет торшера пал на траурную ткань.

Эдель грызут размышления. «Он не так плох, – думает она, – по крайней мере, не похож на тех бородатых свиней, что обивают пороги кабаков в поисках любви на ночь. Мне ещё повезло».

Мне повезло...

Эдель вешает полотенце на дверной крючок и оборачивается к шкафчику с зеркальными дверцами. Угрюмый лик окончательно меркнет. Она хотела бы увидеть что угодно, но только не своё обнажённое тело. Как она ни стремится отыскать собственный взгляд, путь ей преграждает то грудь, то живот, то бёдра, никуда не деться от этой братии. Всё заслонила плоть. Ненасытная, жадная, орущая о своём господстве. Нет ничего, кроме плоти. Всё исчезло, а то мелкое, что осталось, распадается на пот и голод.

Трудно понять, как противна Эдель родная шкура. Любой мужчина облизнулся бы при виде этих форм, а в представлении Эдель нежная кожа её треснула по швам, освободив мерзкую мясную начинку. Она торопливо натягивает сорочку из чёрного креп-сатина, но для неё это то же самое, что укрыть мертвеца клумбой георгинов, надеясь, что он утратит жуткую сущность.

Пора покончить с этим.

Эдель решительно хлопает дверь, готовая к схватке с затаившимся в комнате зверьком, роняющим жирную слюну в томительном ожидании. Она не могла знать, что полумрак гостиной встретит её «Песней жаворонка».

Чёрная ткань скомканной лежит у торшера, мягкий свет пристал к плечам и спине Человека. Пальцы Его с такой нежностью бегут по клавиатуре пианино, кажется, что та чудная птичка перепрыгивает с клавиши на клавишу. Увлечённый игрой Он не чувствует изумлённого взгляда Эдель.

Лёгким движением рук Человек укрощает комнатную хандру, сквозь стены и потолок проливается светлое утро, звенит старый сервиз с узором, навсегда отпечатанным в памяти. Тёплый ветер приносит аромат той поры, когда не о чем было грустить... Когда всё только впереди, и, будь благосклонна судьба, она бы позволила заново пройти по минному полю. Щебет птиц, венки из полевых цветов, приятная утренняя ностальгия в мягкой постели, подгоняемая запахом доброго кофе. Запахом новой, такой же счастливой жизни...

Ты никогда не будешь готов к концу.

Эдель всю ночь слушала бы сладкую игру гостя, но ногам её надоело мечтать. Человек же и вовсе забыл, что он на земле. Чарующая мелодия преследовала его с утра, теперь кажется, что этот день был создан ради неё. Ничто не даст ей утихнуть. Но, почуяв затылком дыхание, Человек отрывает руки от клавиш. Он глядит перед собой, боясь обернуться.

– Простите, не удержался... Странное дело, – улыбается Он, – я не играл множество лет, но руки до сих пор помнят. Я всегда любил музыку, мне пророчили великое будущее. Мама говорила, что мои руки созданы для того, чтобы сердца людей таяли...

Абсолютная тишина делает слова Человека особенно печальными.

– Вы, вероятно, хотите знать, что вышло в итоге? – спрашивает Он. – Бесконечный стук колёс, рёв мотора и шум помех – такими симфониями кичится наше время. До чужой груди ныне трудно достучаться музыкой, даже кулаком – не сразу. Но на деле я сам виноват. Возможно, в руках моих было бы больше смысла, если бы я научил своё сердце таять.

Эдель сжимает плечи Человека с такой силой, с какой стиснула бы себя, если бы жутко хотела отогнать дурную мысль.

– Сыграй мне ещё... – шепчет она. По голосу её змеёй бродит цепь.

Музыка, кажется, не утихала, Человек касается клавиш, чтобы подкрасить её повисший над головой дух. Только Он ловит ритм, по груди спускаются тёплые ладони. Стоило им добраться до живота, Человек вздрагивает, как от удара плетью.

Он отпрыгивает от инструмента, желая убежать как можно дальше, и продолжил бы бегство, если бы не печальный треск... Под ступнёй Человека – расчленённое небо.

Он бросается к пазлу, спеша вернуть тому прежний вид. Пальцы неумолимо дрожат в попытках сшить яркий небосвод. Закончив, Он возвращается к Эдель, чей взгляд приклеился к мозаике. Её хрустальные глаза тускнеют с каждой секундой, словно готовы вытечь под давлением петли. Смотреть на девушку невыносимо, Человека увлекает морозящий дождь, а, когда Он оборачивается, дыхание Эдель горящим ножом проносится по щекам. Ногти впиваются в спину, губы льнут к кадыку. От тепла Эдель по телу бежит холодок.

– Кто тебя так? – спрашивает она.

Её коготь легко справляется с верхней пуговицей рубашки, освободив приставшие на шее царапины. Шрамы – страшные борозды на Его коже. Эдель излучает заботливую взволнованность, капля искренности в ливне фальши. Человек слеп в страстном желании веры и, на секунду потеряв внимание, чувствует скользкий по шее язык. В этот момент Ему становится так неудобно, так мерзко, Он пятится назад, не боясь раздавить что-либо, голова спускается под воротник рубашки, желая спрятаться в панцире.

– Я совсем забыл о кофе... – бормочет Он и убегает в сторону кухни.

Встав у живучего кофейного душа, Он даже не думает касаться чашки.

Эдель... Что она вытворяет? Каждое движение вычурно, взмах руки хамски врёт взгляду. Кто-то точно управляет ею, кто-то жестокий, чужой.

– Что-то не так? – доносится из-за плеча.

То ли окно полностью заволочло стеной дождя, то ли наглый пот покорила веки. Сердце тяжелеет, холод натягивает кожу на кости. Человеку плохо, как никогда. Потому что Он помнит о лёгком пути.

– Я нравлюсь тебе... Разве нет?

Металлический голос, бросив короткую фразу, беспардонно ужился в Его голове.

Глупая люстра раскидала тень по стенам кухни. Что это? Не ржавчина ли ползёт по этим проклятым стенам?

Человек обернулся, чтобы что-то ответить, но не смог отыскать лицо собеседницы. С ним говорит беспросветная тьма коридора.

– Я не в твоём вкусе? – жалобно стонет железо.

Он хочет уйти, но окно не протянет руки, максимум – помашет отгрызенной кистью. А чёрный выход завален чернилами, самыми чёрными.

– Мне нужно в ванную, – находит Он решение. – Я быстро...

Человек запирается на засов, включает воду и, спиной подперев дверь, скатывается на пол. Воздух в лёгких смастерил гирю и горьким привкусом царапает горло. Струя воды бьёт по черепу, этот звук напоминает голос Эдель, ставший жутко противным.

«Боже мой... Что мне делать? Я угодил в тот капкан, что с радостью примерил бы любой проходимец. И почему мне так скверно от того, что доставляет приятный трепет? Я не прочь умереть в плену её глаз, но меня тошнит от её прикосновений».

Нет, Эдель всё ещё мила Человеку. Она ни в чём не повинна. Мерзавка-судьба способна и цветущую лужайку обратить в лист фанеры.

Что дальше, не подскажешь? Прячься в скворечнике, миру подставив диаметр щедрый – без него никак, задохнёшься. А что там насчёт «просто уйти»? Оттолкнуть, ударить, сломать. Хлопнуть дверью, да так, чтобы окна вздрогнули! Те чёрные окна со стекающей на пол смолой... Беги. Но тогда сам станешь смолистым пятном и выше пола вряд ли поднимешься.

Здорово вот так сидеть на холодном полу и под истошный водяной крик спорить с внутренним голосом. Особенно, если представить, что не о чем спорить. Не от чего спастись. Представить, что нет меня...

Оглушающий тенор воды сменился бурлящим баритоном. Человек ощущает рядом чужое дыхание. По ту сторону двери Эдель устало ждёт, когда отмоется её герой. Голос девушки не замечает преград. Он стал той дверью, он врос в стены, взывает с потолка и льётся водой из крана.

...Я вижу твоё лицо. Слышу каждое слово в твоей голове. Я чувствую, как тебе больно. А тебе не представить, что чувствую я... Так долго перебирать утят и наткнуться на гадкого лебедя... Можешь идти, если хочешь. Через окно, через дверь – как привычной. А мне останется ждать. Ты ведь ещё придёшь поиграть? Клянусь, я выброшу ту чёрную тряпку, она ни на что не годна. Жда-а-ать... Кажется, единственное, чего я способна ждать, когда этот чёртов дом снесут, забыв предупредить меня...

Человек подполз к ванной, миниатюрное озеро собирается в ладонях и отправляется в измученное лицо. Он переводит взгляд на зеркальную дверь шкафа, прозрачные капли сонливо стекают по сплошному куску гладкой кожи.

...Боженьки, да на тебе лица нет. Неужели и в этом я виновата? Можешь молчать, без тебя знаю. Будь возможность, ты бы всё на меня повесил. Ты-то святой... На твоём фоне и Бог – шваль бесчестная, а я и подавно на метле летаю... Это не так! Слышишь? У меня есть лицо! Я – Человек! Не ты! Ты выглядишь таким чистым, нетронутым. На тебе нет и царапины мук. Нельзя быть Человеком и не терпеть мучений! Но я помогу, если захочешь...

Человек надолго вонзился в упрямые бетонные роговицы, где сегодня выступает ансамбль «ССС»: Сострадание мчитя по клавишам, Совесть занимает контрабас, в барабаны бьёт Сумасшествие. Человек так надеялся узреть в себе что-то человеческое, но глаза напомнили ему о том, что Он никогда не владел кием, не держал коктейль Молотова, давно не подливал коньяк в кофе. Не ошибся ли ты с именем, дружок? Человек готов развалиться на бесполезные буквы.

Что-то призывно мелькнуло с обратной стороны зеркала. Неизвестно, как много времени это что-то покорно лежало в тёмном углу в окружении лезвий и платков, но именно сейчас оно захотело покрасоваться.

Пыльная полка дарует умытому деревянную шкатулку с интересным кельтским узором. Открыв ларчик, Человек не испытывает ни капли смущения или страха. Он до того измождён, что не в силах испугаться пистолета, прижавшего ко дну стопку рваных листов. Чёрная смерть, как нарочно, целится в дверь. Воды набралось половина ванны, сколько ртути в голове Человека.

– Нет, это я помогу тебе, – молвит Он. – И знаешь, если ты чист... возможно, тебе просто надоело купаться в грязи. Ты проклял каждую из своих ошибок и теперь готов жить по-настоящему. Этот дом не снесут, Эдель. Его давно уж нет, он сам себя уничтожил. Скажи мне, ты хочешь построить его сызнова?

...О чём ты? Я бы и сломать его не смогла... Если он уничтожен, значит, я на дне, под грудой руин, и меня уже не спасти...

– Но ты ведь не рыхлый кирпич. В тебе есть и свет, и мрак, ты – живое произведение искусства. Не то, что красотой отвлекает от уродливых стен, а то, что способно творить красоту, пробиваясь сквозь стены.

... Не нужна мне твоя помощь. Ты пришёл помочь себе, а там, может, и мне что-нибудь обломится. Я многого не спрошу. Обещаю. Выходи, долго ты там ещё?..

Дверь подёргивается от прикосновения, тень дверного крючка – лезвие тесака. Рука Человека примеривает пистолет, мятый лист выпрыгивает из шкатулки с той смелостью, с какой решаются на дуэльный поединок. Перед глазами гарцуют перекошенные буквы. Отчего-то Человек решил читать вслух.

– Дорогая моя Эдель, как ты там? Я в порядке, если не считать того, что лежу в холодной тёмной землянке и пишу это письмо, можно сказать, на ощупь.

Дверь врезалась в косяки, щеколда страдальчески хрустнула, но удержалась на месте.

... Что ты делаешь? Замолчи...

Часть письма разъело слезами, соли подкидывает скачущий почерк, Человеку приходится додумывать.

– Моя одежда промокла насквозь, желудок не знает человеческой еды уже много дней, но ни о чём я так не мечтаю, как о твоём голосе... Это прозвучит странно, но у войны тоже есть плюс: ей под силу указать, кто тебе действительно дорог.

... Ты не имеешь права! Открой!..

Несчастно взвыла цепь, грохнувшись на пол. Дверь сотряс град ударов, точно стая демонов принялась с разбега атаковать её. Человек на миг замолчал, ощутив себя прячущимся от огня за бумажной ширмой. И, когда Он подумал сдать, незримая сила наполнила голос. Он вложил каждое слово в камень и прицелился в дрожащую дверь.

– Мне ужасно больно, но не пуля тому виной, а осточертелое одинокое ложе. Будь проклят тот огромный клочок земли, что разделяет нас! Эдель, ты моя единственная драгоценность, мой кислород, мои солнце и радуга!

Стены темнеют, под их кожу точно забрался огненный спрут. Шум воды, громче прежнего, подбирается к уху. Стоишь по пояс в воде, но в то же время сух. Кажется – шепчешь, на деле же рвёшь глотку.

– Когда я вернусь, всё может сильно перемениться, но я отдам все силы, чтобы вернуть наш март. Обещаю, мы построим его заново, сделаем ещё лучше и уже никогда не отпустим!

Он был прав: нет никакого дома. Лишь бледный человечик посреди тесной комнаты, колящая по желудку голодного смерча. Сквозь водяной шелест просачиваются недобрые звуки. Что там, за покровом несгорающих стен? Вой раненого волка, свирепое шипение ветра. Ария железных кулаков, оставляющая вмятины на двери.

– Прости меня за всё, родимая. За то, что временами был груб, стоял на своём, когда был не прав, и просто молчал вместо того, чтобы сказать, как люблю тебя...

Одинокая лампа блестит молнией. Ураган вот-вот сметёт все преграды, прильёт к стенам листы измятой бумаги, разобьёт зеркала и вскружит осколки. Изнывающий крик. Свист ржавой шестерни. Летящие во все стороны искры.

– Дорогая, найди в моей комнате старую шкатулку и, прошу тебя, избавься от неё. В наш мир больше не заглянет война. Только ты да я. Ясное небо и счастливое будущее.

Водяному мало места. Жидкий тенор переваливается через край ванны и бурным селем устремляется по полу. Утопив ступни Человека, он спешит к Эдель. Последний демон стекает с её лица и, отвратно шипя, растворяется в лаве.

Тишина, какой не было слышно. Водяной ушёл на бессрочный антракт, Человек возвращает шкатулку на место, слабый свет из прихожей стережёт у двери.

Секунду назад казалось, что мир угас в пасти чёрной дыры, но он по-прежнему поёт. Песня та полна добра и надежды, пусть не долетает её луч до чёрной квартиры за чёрными окнами.

Мягкой поступью Человек выбирается к свету, но встречают Его мрак и коварная тишина. Взгляд мечется по облитому полу. Человек находит свою тень на брошенной в угол Эдель. Она напоминает тот пазл, растоптанный неуклюжей ногой. Сутулая, разбитая вдребезги девушка, пустившаяся в бега и замершая в одно мгновение. Человек тоскливо наблюдает, как на сыром креп-сатине высыхает Его доброе имя. Эдель такая нежная и беззащитная, а Он – поганый великан, ногой вросший в фундамент, лбом проткнувший потолок и крышу, жирным силуэтом заслонивший хрустальный проблеск.

Человек делает шаг вперёд, ковёр оплёвывает без того мокрую ступню. Лицо Эдель выпрыгивает из тени, сверкая игривым оскалом. Снизу поглядывая на гостя, девушка взрывается хохотом. Смех её рождает взрывную волну, и теперь уже Человек брошен в тень. Чем дольше смеётся Эдель, тем ярче в ней светится мирская истина, тем тусклее озарён ею Человек.

Так что это – Человек? То, что нагло ржёт, сидя в луже, или то, что стремится к потолку, глядя наивно и глупо? «Глупо»... Он глуп лишь потому, что не изъеден коррозией в отличие от стен, окруживших Его?!

Каким бы твёрдым ни звучал смех Эдель, она всё ещё напоминает сломанного робота, механизм, сошедший с пьяного кульмана. Если просто смотреть на неё, она вряд ли поправится, что-то сказать – только громче засмеётся.

Иногда, чтобы починить, нужно разобрать на самые мелкие детали. Руку Эдель обнимает колючая ладонь, Человек отрывает девушку от пола. Он не встречает сопротивления, Эдель упивается смехом, временно стихнув лишь тогда, когда вокруг выстроились живые взгляды портретов.

Кушетка скрипнула дважды: когда подставилась под хозяйку, и когда Человек, прогнув старую мебелишку коленями, навис над хохочущей.

Мокрая ткань липнет к пальцам, к уху – взрывной едкий смех. Желая оглохнуть, Человек обращает сорочку Эдель в лоскуты, голова кружится от калейдоскопа зрячих стен. Что в голове Его? Та же свистящая шестерня, тот же скулящий раненый волк, автопортрет уроды, принятого в дикую стаю. Намеренная пародия. Больше всего Человек боится того, что Эдель примет Его грубую ласку. Он всё ждёт, когда же откажет сердце, но оно бьётся сильнее оттого, что лакомая плоть Эдель выпорхнула из лохмотьев. Человек проклиная бунт в груди, но Ему не остановиться. Действуй, бестия! Чего ты смеёшься?! А она не унимается... Нежная кожа жаждет похотливого ногтя, близок логичный финал – пустой кухонный диалог обнажённых тел. Но смех Эдель вдруг переливается в жалостное стенание. Изящная ножка будто устала от безумной хозяйки и бьёт в плечо, так сильно, что Человека швыряет к стене.

– Уходи! Пожалуйста!

Эдель укрывается рваной сорочкой, угощая ту рекой слёз. Обомлевший гость щупает изнывающее плечо. Как Он надеялся на эту боль! Как никчёмна она на фоне тяжёлого пара, раздувшего лёгкие.

Остекленевший взгляд, лицо – разбитый фарфор. Промокшие ноги ведут Человека в кухню. Он запрокидывает чашку, и холодная толща кофе проваливается внутрь, чтобы расплавить вдавившийся в рёбра кирпич.

Пальто свешивается с плеч, шляпа небрежно прыгает на макушку. Не простившись с плачущей комнатой, Человек покидает квартиру.

Длинная лестница, дорога к отправной точке и к тому моменту, когда можно было отвернуться. Человек рад тому, что не струсил, и сейчас, минуя бесконечные лестничные пролёты, Он вспоминает последние слова из письма, а вместе с ними – свой последний долг. С эхом щёлкает пистолет. Назло тишине Человек выбивает оружием стены, спящий подъезд – в ожи-

дании долгого перестука. Когда Человек доберётся до последней ступени, в Его ладони останется жалкий чёрный комок, ни на что не годный, да и тот вскоре издохнет в лунном свете.

«Близится утро», – твердит уличная полумгла. Небо железным куполом накрывает землю, к незримой вершине его ползёт раскалённая мякоть.

Набитая металлической стружкой голова готова рухнуть на землю, но бессонная ночь выпила её вес. Человек одет в вакуум, облаком рассекает улочки, туфли шагают сами по себе. Неизвестно, куда бы они Его увели, если бы щедрый месяц не протянул клубок ниток, по земле стелется золотая дорожка. Она сияет так сладко, безвозмездно согревает усталые глаза и, к несчастью, конец её близок.

Пустынная дорога пронизана перекрёстными взглядами бесцветных домиков. Родной запах, тухлой рыбой ударивший по носу. Нагулявшийся медведь возвращается в берлогу. Человек там, где должен быть; там, куда однажды пришли яркие грёзы и где они замерли с постаревшим лицом. Только здесь Он вспомнит, кем хотел быть, осознает, кем стал, и представит, кем Он умрёт. Один хлопок дверью до женитьбы кромсающей ностальгии и нескончаемого одиночества. Но Человек вновь не один. И бесцветные домики не одиноки: в их прозрачных глазах веселится пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.